

Особенно важными в рецензируемой монографии представляются те разделы, где подробнейшим образом разобраны признаки использования различных технологических приемов работы и методы их выявления по керамике из раскопок археологических памятников. Достоверность их вряд ли может вызвать сомнение, поскольку они выявлены в результате сравнительного анализа многочисленных этнографических, археологических и экспериментальных данных.

В заключении сформулированы основные выводы исследования. Создание системы технико-технологического анализа керамики и выяснение особенностей эволюции каждого элемента технологии в условиях смешения населения позволили вполне обоснованно обратиться к «изучению одного из наиболее сложных проявлений этнокультурного развития древнего населения — процесса смешения и слияния разных в культурном отношении групп населения и образования на их основе новых этнокультурных единиц» (стр. 242). В результате проделанной работы по обобщению и систематизации этнографических и археологических материалов А. А. Бобринский выделил шесть последовательных этапов процесса смешения населения, которые можно выявить по керамике. В работе дается пример комплексного анализа технологии керамики по двум городищам, которые относятся исследователями к культуре штрихованной керамики, и последующего использования полученных данных для изучения истории древнего населения этих памятников. Автор убедительно показывает, что сходство в группе приспосабливаемых навыков, создающее картину внешней однородности керамики, в сочетании с существенными различиями по субстратным (т. е. наиболее устойчивым) навыкам не может служить основанием для заключения об изначальной родственности населения обоих памятников. Представляет интерес также попытка автора сочетать данные анализа технологии керамики с изучением лексики гончаров. Это позволило ему считать правомерными поиски праславянских древностей на территории Восточной Европы в эпоху раннего железа (стр. 265).

Хотим отметить, что работа А. А. Бобринского занимает совершенно особое место в плане подхода к изучению археологического материала — в ней нашел широкое применение принцип системного анализа производственного процесса и отдельных его звеньев.

Книга хорошо иллюстрирована и документирована серией карт и фотографий, а также рисунков и схем, поясняющих те или иные особенности технологических приемов.

Несомненно, что работа, предпринятая А. А. Бобринским и сотрудниками возглавляемой им лаборатории в Институте археологии АН СССР, имеет богатые перспективы. Рецензируемая монография дает возможность по-новому подойти к изучению истории гончарного производства, а также этнокультурной истории восточноевропейского населения.

Однако некоторые вопросы следовало бы шире осветить в книге, учитывая ее не только теоретическое, но и большое практическое значение. К ним относятся: вопрос о признаках различения сосудов, изготовленных на ручном и ножном гончарном круге; вопрос о ремонте глиняной посуды и дальнейшем ее использовании, а также вопрос о различных способах обжига сосудов. Этнографические и экспериментальные данные об обжиге еще предстоит собрать и проанализировать — это должно стать темой дальнейших исследований.

Отмеченные замечания, естественно, не могут повлиять на высокую оценку основного содержания и общих выводов исследования. Рецензируемая работа является важным пособием для археологов и этнографов при работе с керамикой и изучении древнего гончарства и населения.

В. Д. Баран, И. С. Винокур

М. Б. Мужухоев. Средневековая материальная культура Горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный, 1977, 179 стр.

В 1971 г. в Москве издательством «Наука» была посмертно опубликована монография Е. И. Крупнова «Средневековая Ингушетия», в которой анализировались работы по изучению этого края, вышедшие вплоть до конца 60-х годов. В рецензируемой книге заведующий сектором археологии и этнографии Чечено-Ингушского научно-исследовательского института М. Б. Мужухоев вводит в научный оборот некоторые новые полевые материалы и подвергает анализу ряд вопросов, включающих интерпретацию башенных поселений, характеристику погребальных и культурных памятников горной зоны Ингушетии.

В главе I книги рассматривается археолого-этнографическое изучение Ингушетии, однако библиография доведена лишь до 1972 г. К сожалению, и в этом виде она неполна. Не упомянуты, например, такие исследования, как диссертация С. Ц. Умарова, в которой рассматривается тот же круг вопросов на материалах соседней и этнически чрезвычайно близкой Чечни (для сравнения в работе привлекаются и ингушские материалы)¹, как архитектурно-археологические изыскания в округе знаменитого храма

¹ С. Ц. Умаров. Средневековая материальная культура горной Чечни, XII—XVII вв. Автореферат канд. дис. М., 1970.

Тхаба-Ерда, проведенные в 1969—1970 гг. группой грузинских специалистов², как и весьма результативные работы московских этнографов В. П. Кобычева, В. Н. Баилова³ (начатые в 1968 г.) и ряд других. Нет здесь упоминания (не говоря уже об анализе) вышеназванной монографии Е. И. Крупнова⁴. В остальных главах сделана попытка довести библиографический аппарат до 1976 г., но, к сожалению, упоминаются работы только самого М. Б. Мужухоева.

Башенные поселения горной Ингушетии рассматриваются в главе II. Предложенная типология башен (жилые, боевые, полубоевые) традиционна и в своем среднем звене (полубоевые) учитывает лишь «наблюдения археологов» (точнее — одного В. И. Марковина), которые в таком вопросе не могут быть единственной гарантией достоверности, так как башни не являются сугубо археологическим источником. Следовало бы, на наш взгляд, привлечь современные материалы этнографов⁵ и архитекторов⁶, которые позволяют прийти к несколько другим выводам относительно типологии и эволюции башенного зодчества Ингушетии.

Интересны сведения о структуре, динамике роста, фортификационных и социальных особенностях башенных селений Вовнушки, Бярк и особенно Оздик. Автор оригинально подходит к толкованию горских поселков Ингушетии. Но он не учитывает дольные (и чаще всего расходящиеся с авторскими) наблюдения, уже давно опубликованные в связи с теми же объектами⁷. То же самое относится и к параграфу «Топография различных видов боевых башен», где автор обосновывает зависимость типов боевых башен от особенностей рельефа. Это соображение автор высказывал в предшествующих своих работах и против абсолютизации этого принципа были возражения в печати⁸. Достойно одобрения убедительное толкование Оздикского поселения как «однофамильного» и стремление автора разобраться в причинах и условиях его роста.

Автор считает, что начало строительства обоих типов боевых башен относится не к XV, а к «первой половине XIV в.» (стр. 40). В настоящее время заметна тенденция удревления боевых башен (вплоть до XII в.⁹), причем всегда делаются ссылки на «археологические данные» из склепов. Но эти данные (как увидим ниже) крайне зыбки в хронологическом смысле, и вопрос этот остается открытым, так как может решаться только при условии комплексного подхода к разнообразным источникам¹⁰. В обоснование обычной датировки жилых башен («начиная с XII в.») М. Б. Мужухоев не внес ничего нового, хотя такие возможности были. Автору следовало бы обратить внимание на небезызвестные «циклопические» постройки горной Ингушетии¹¹ и сравнить их с архитектурой жилых башенных комплексов Цеча-Ахк (граница Ингушетии и Чечни)¹².

Рассматривая происхождение и ареал бытования пирамидальных башен, М. Б. Мужухоев пишет, что этот тип башен, «являющийся высшим достижением каменного зодчества северокавказских народов, возник на территории самой Ингушетии с последующим его распространением в других местностях горного Кавказа» (стр. 48). При этом он игнорирует убедительные, на наш взгляд, суждения С. Ц. Умарова, согласно которым зона сложения данного типа башен включала и основные районы горной Чечни. Точка зрения М. Б. Мужухоева, частично совпадающая со взглядами Г. А. Кокиева, Л. П. Се-

² См., например: Г. Г. Гамбашидзе. Из раскопок Тхаба-Ерды.— «Декоративное искусство СССР», 1970, № 7, с. 21; *его же* Отчет об археологических изысканиях в христианских храмах Тхаба-Ерды и Алби-Ерды в Ингушетии.— «Археологические исследования в Грузии в 1969 г.», Тбилиси, 1971; Л. Химшиашвили, М. Антадзе. Результаты реставрационных работ, проведенных на Тхаба-Ерды.— «Дзеглис Мегареби», Тбилиси, 1971, № 26 (на груз. яз.).

³ См., например: В. П. Кобычев. О генезисе народного зодчества ингушей.— «Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам полевых исследований 1970 г.», Тбилиси, 1971; В. Н. Баилов, В. П. Кобычев. Галгай — страна башен.— «Сов. этнография», 1971, № 1; В. П. Кобычев. «...О днях, что в преданья ушли».— «Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1971 г.», М., 1972.

⁴ В предисловии автор неточно аттестует книгу Е. И. Крупнова как написанную «еще до войны» (с. 4), так как монография дорабатывалась в послевоенные годы и отражает состояние исследования края по 1969 г., включая и изыскания самого М. Б. Мужухоева.

⁵ В. Н. Баилов, В. П. Кобычев. Указ. раб., с. 124.

⁶ А. Ф. Гольдштейн. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975, с. 10 сл.

⁷ Например, суждения В. Н. Баилова и В. П. Кобычева о «взаимоподчиненности» некоторых башен в поселках горной Ингушетии; сомнения А. Ф. Гольдштейна в реальности возникновения Оздика с боевой башни и пр.

⁸ См.: А. Ф. Гольдштейн. Указ. раб., с. 42; *его же*. Планировка и фортификация горных селений XV—XVIII вв.— «Архитектурное наследство», № 25, 1976, с. 94 сл.

⁹ А. Ф. Гольдштейн. Специфика и генезис архитектуры Дагестана, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии XII—XIX вв. Автореф. докт. дис. М., 1977, с. 17, 18.

¹⁰ См., например, В. П. Кобычев. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры.— «Этническая история и фольклор». М., 1977, с. 165 сл.

¹¹ В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 1966, с. 39, 41, 42.

¹² С. Ц. Умаров. Указ. раб., с. 4 сл.

менова, Е. И. Крупнова, А. Ф. Гольдштейна и др., вызывает возражения со стороны специалистов, хорошо знакомых не только с ингушскими башнями, но и с башнями высокогорной Чечни (С. Ц. Умаров, В. И. Марковин, авторы данной рецензии и др.¹³) и прилегающих районов Грузии¹⁴. Полагаем, что прав А. И. Робакидзе, который при исследовании башен с пирамидальным покрытием подчеркивает: «Нынешнее состояние изученности боевых башен со ступенчато-пирамидальным покрытием дает основание говорить о том, что эти памятники материальной культуры являются результатом высококачественного зодчества народов Кавказа, в основе которого лежали местные традиции...»¹⁵.

Наиболее содержательна III глава книги «Погребальные памятники горной Ингушетии». Здесь автор вводит в научный оборот большое число новых объектов, исследованных им совместно с В. Б. Виноградовым (стр. 17).

Глава начинается с типологии и сравнительной характеристики погребальных памятников, причем таковыми автор считает только склепы. Между тем в горной Ингушетии (как и во всех окрестных районах) к 1970 г. были исследованы и каменные ящики, относящиеся, в частности, и к XII—XIV вв., а не только к IX—XII, как утверждает автор (стр. 58)¹⁶. М. Б. Мужухоев справедливо отдает должное типологии склепов, выработанной Л. П. Семеновым, и хотя она серьезно корректируется новейшими исследованиями¹⁷, в книге это не нашло никакого отражения. Существенны авторские наблюдения о наземных одноэтажных склепах с двускатной гладкой кровлей и двухэтажных — с поминальной стрельчатой камерой. Многообразие склепов Ингушетии представлено хорошо. Но там, где автор противопоставляет их гробницам Чечни и других областей, он существенно ошибается. Так, склепы с плоской двускатной кровлей есть и в Чечне (Майста), и в Осетии (Дигория), и в Балкарии. Известны в Чечне (Цеча-Ахк) и Балкарии (Булунгу) и круглые в плане погребальные постройки. Последние (по крайней мере частично) могли выполнять и функции мавзолеев¹⁸.

Довольно полно описав внутреннее устройство наземных склепов и погребальный обряд, совершавшийся в них, автор обратился к анализу погребального инвентаря. Здесь он приводит много нового и интересного материала. Отдельные разделы (о височных кольцах, амулетах) написаны в основном удачно. Но преобладают, к сожалению, простое перечисление находок, их формальная типология и беглый разбор. В результате в большинстве случаев нет подлинной исторической интерпретации находок, что особенно заметно при обращении к таким предметам, как луки, стрелы, ножи, кинжалы, сабли, огнестрельное оружие, деревянная и керамическая посуда, ткани, костюм и пр. Не отвечает достигнутому уровню знаний и датировка ряда конкретных комплексов и находок, что затрудняет правильное обоснование главных этапов периодизации местной культуры. Гипотетичны суждения автора о стратиграфии вещей и датировке Оздикского, Кошкинского могильников и некоторых отдельных склепов. Неправоммерно определение верхней границы использования ингушских склепов концом XVII — первой половины XVIII в.¹⁹, так как великолепные изделия промышленного русско-европейского производства в сопоставлении с показаниями письменных и фольклорных источников не оставляют сомнений в том, что ингушские (как и осетинские) склепы активно функционировали еще и в XIX в.²⁰ Проблематичным выглядит и отнесение нижней границы использования большинства склепов (в том числе «башнеобразных») к XIV в. Основные выводы М. Б. Мужухоева по части хронологии остаются недостаточно обоснованными, а общая характеристика средневековой материальной культуры горной Ингушетии по

¹³ В. И. Марковин. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры. — «Архитектурное наследие», № 23, 1975, с. 126; В. Б. Виноградов, С. Ц. Умаров. Очерки этнографии горной Ингушетии. — «Вопросы истории Чечено-Ингушетии», т. X. Грозный, 1976, с. 344—347, и др.

¹⁴ Т. А. Очиаури. Опыт изучения этнической истории горцев Восточной Грузии по мифологическим сказаниям. Автореферат докт. дис. Тбилиси, 1965, с. 25, 26.

¹⁵ А. И. Робакидзе. Жилища и поселения горных ингушей. — «Кавказский этнографический сборник», II. Тбилиси, 1968, с. 84.

¹⁶ Ср. Х. М. Мамаев. Об интерпретации каменных ящиков Джераховского и Ассинского ущелий. — «Тезисы докладов VI „Крупновских чтений“». М., 1976, с. 36, 37.

¹⁷ См.: В. Х. Тменов. Исследование «города мертвых» у сел. Даргавс. — «Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии», т. 2. Орджоникидзе, 1969, с. 137—157; *его же*. Позднесредневековые склеповые сооружения Северной Осетии как исторический источник. Автореф. канд. дис. М., 1973; В. П. Кобычев. Старинные культовые сооружения Северного Кавказа как источник по истории жилищ края. — «Полевые исследования Ин-та этнографии в 1975 г.». М., 1977, с. 77.

¹⁸ Ср.: Л. Г. Нечаева. О мавзолеях Северного Кавказа. — «Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана». Л., 1978, с. 85—112.

¹⁹ Ср. В. Б. Виноградов. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа. — «Изв. Северо-Кавказского научного центра Высшей школы», Ростов-на-Дону, 1977, № 1.

²⁰ Кроме названных уже работ Е. И. Крупнова, В. Х. Тменова, В. Б. Виноградова, см. Т. С. Магомедова. Следы русско-вайнахских контактов XVI—XVIII вв. в памятниках Чечено-Ингушетии. — «Тезисы докладов V „Крупновских чтений“». Махачкала, 1975, с. 116—118.

материалам погребальных памятников — схематичной и фрагментарной. Более убедительны выводы автора в отношении генезиса склепов в горах и сосуществования их различных типов.

Культовым памятникам горной Ингушетии посвящена IV глава. По сравнению с предыдущими работами М. Б. Мужухоева новым тут представляется сводка святилищ Ингушетии и обстоятельная характеристика их. В отношении генезиса святилищ автор придерживается взглядов Л. П. Семенова и И. П. Щеблыкина с незначительными коррективами. Христианский храм Тхаба-Ерды он предлагает датировать первой четвертью XII в., храмы Алби-Ерды и Таргимский — XII—XIII вв. Это не согласуется с выводами многих других специальных исследований последних 10 лет (В. П. Кобычева, Г. Г. Гамбашидзе, В. А. Кузнецова и др.), что уже отмечалось в печати²¹.

Интересен параграф «К вопросу о верованиях ингушей», в котором автор тщательно собрал факты, подтверждающие, по его мнению, политеизм горцев позднего средневековья. Автор трактует разнообразные изображения крестов в горной Ингушетии как «языческие символы». Но и здесь не использована большая литература, посвященная культурно-историческим связям Грузии с народами Северного Кавказа²². Это приводит к излишней категоричности в отрицании роли христианского «уклада» в горских верованиях.

В «Заключении» подводятся итоги работы и значительно яснее, чем в основном тексте, формулируются некоторые выводы, связанные с социальной оценкой памятников материальной культуры Ингушетии, в которых автор подчеркивает неразвитость процесса феодализации местного общества. В конце автор выражает «глубокое удовлетворение», «если затронутые им вопросы найдут отклик среди специалистов и всех, кто интересуется историей Кавказа». Наша рецензия как раз и продиктована глубокой профессиональной заинтересованностью в объективном решении назревших вопросов истории и культуры средневекового населения Чечено-Ингушетии.

В. Б. Виноградов, Р. А. Даутова

²¹ См.: С. Л. Дударев, Х. М. Мамаев. III «Крупновские чтения» в Грозном. — «Изв. Северо-Кавказского научного центра Высшей школы», Ростов-на-Дону, 1974, № 2, с. 90; В. Б. Виноградов. Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии. — «Археология и вопросы атеизма». Грозный, 1977, с. 59—67; Н. Н. Бараниченко. К хронологии некоторых типов святилищ Чечено-Ингушетии. — Там же, с. 67—74.

²² Некоторые итоги изучения этой проблемы за 40 лет см. Г. Г. Гамбашидзе. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа. Тбилиси, 1977 (там же и библиография).

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Leea Virtanen. Children's lore. — «Studia Fennica 22», Helsinki, 1978, 100 p.

Издание на английском языке книги известной финской фольклористки Лееа Виртанен «Детский фольклор» сделало ее интересную работу доступной гораздо более широкому кругу читателей, чем посвященные тем же проблемам работы Л. Виртанен, опубликованные в 1970 и 1972 гг. по-фински.

Работа Л. Виртанен основана на обширном эмпирическом материале; в 1969 г. было обследовано 30 тыс. школьников Финляндии. В этом массовом обследовании в качестве основного был использован метод нестандартизованных описаний, которые делались детьми и подростками в возрасте от 10 до 18 лет. Так, под заголовком «Как начинается игра во дворе» школьники описывали ситуации зачина игры, популярные среди детей считалки, жеребьевки. Особенности построения детских условных игровых языков раскрывались информаторами в ответ на вопрос «Как я научился тайному языку». В качестве дополнения к массовому опросу Л. Виртанен были изучены и детально описаны игры и устная традиция отдельных дворовых детских групп, а также проанализированы архивные фольклорные материалы.

Вслед за авторами классической работы по современному детскому фольклору англичанами Айной и Питером Опи¹ Л. Виртанен рассматривает детское сообщество как самостоятельную «миникультуру», жившую в рамках цивилизованного «взрослого» мира по своеобразным, часто непонятным взрослому человеку законам. Особенности детской традиции закрепляются и передаются от поколения к поколению в детском фольклоре: считалках, жеребьевках, правилах игр, дразнилках и песенках, в детских анекдотах, загадках, «страшных» рассказах и т. д.

¹ I. & P. Opi. The lore and language of schoolchildren. Paladin, Great Britain, 1977.